

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-25

Илюхин Никита Игоревич

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

tringla@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ В РАМКАХ ДОПРОСА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО КИНОСЕРИАЛА)

Аннотация. Статья посвящена анализу манипулятивных коммуникативных тактик, применяемых следователем при допросе подозреваемого на стадии предварительного расследования. Автор подробно исследует уникальную природу манипуляции в этом процессе, которая занимает промежуточное положение между обычной речевой манипуляцией в межличностном общении и суггестивным воздействием, характерным для судебного заседания. Особое внимание уделяется тому, как институциональные рамки следственного процесса трансформируют традиционные манипулятивные техники, придавая им специфические черты. В работе детально рассматриваются две ключевые тактики манипулятивного воздействия: сторителлинг и создание эффекта предсказуемости исхода допроса. Автор демонстрирует, что эти техники, с одной стороны, сохраняют элементы классической речевой манипуляции, а с другой – адаптированы к условиям следственных действий с их строгими процессуальными

требованиями и наличием стороннего контроля (со стороны адвокатов и средств фиксации).

Ключевые слова: допрос, манипуляция, коммуникация, манипулятивные тактики, сторителлинг, тактика предсказуемости итогов допроса

Для цитирования: Илюхин Н. И. Характерные черты коммуникативной манипуляции, применяемой в рамках допроса на стадии предварительного расследования (на материале английского киносериала) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 6–15.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81.25

CHARACTERISTIC FEATURES OF COMMUNICATIVE MANIPULATION USED IN INTERROGATIONS AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE (BASED ON THE MATERIAL OF AN ENGLISH TV SERIES)

Nikita I. Ilyukhin

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

tringla@mail.ru

Abstract. The article analyzes manipulative communication tactics employed by investigators during the interrogation of suspects at the pre-trial investigation stage. The author examines in detail the unique nature of manipulation in this process, which occupies an intermediate position between ordinary speech manipulation in interpersonal communication and suggestive influence characteristic of courtroom proceedings. Special attention is paid to how the institutional

framework of the investigative process transforms traditional manipulative techniques, endowing them with distinctive features. The study thoroughly explores two key tactics of manipulative influence: storytelling and creating the effect of predictable interrogation outcomes. The author demonstrates that these techniques, on one hand, retain elements of classical speech manipulation, while on the other hand, they are adapted to the conditions of investigative actions with their strict procedural requirements and external oversight (from defense lawyers and recording devices)

Keywords: interrogation, manipulation, communication, manipulative tactics, storytelling, tactic of predicting interrogation outcomes

For citation: Ilyukhin N. I. Characteristic features of communicative manipulation used in interrogations at the preliminary investigation stage (based on the material of an english tv series) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 6–16. (In Russ.).

Введение

Манипуляция в теории коммуникации рассматривается как негативное воздействие на адресата, при осуществлении которого субъект использует «нечестные» речевые инструменты, имеющие потенциал для дальнейшего ущемления достоинства реципиента, изменения его психологического и эмоционального состояния [5, с. 14]. Учёные видят манипулятора как слабую личность, неспособную донести свои интенции до партнера по коммуникации через рациональные тактики убеждения или информирования [1, с. 149; 3, с. 22].

В судебном дискурсе в странах с общим правом манипуляция играет ключевую роль в конструкции взаимоотношений участников судебного процесса. В рамках судебного заседания адвокаты и прокуроры вынуждены оказывать влияние на присяжных, поскольку именно присяжные заседатели выносят окончательный вердикт по тому или иному делу. Ключевой тактикой речевого поведения адвоката или прокурора является суггестивная тактика

воздействия, при которой коммуникативное поведение юриста направлено на побуждение объекта воздействия (суггерента) к реализации практических установок, необходимых субъекту воздействия (суггестору) [4, с. 144]. При этом коммуникативная манипуляция здесь приобретает специфические черты, отличающие её от манипуляции речевой из-за особенностей судебного дискурса, которые включают в себя такие факторы, как искусственность конфликта (отсутствие каких-либо эмоциональных противоречий у сторон конфликта), институциональность (статусно-ролевое общение, предполагающее определённый клишированный набор речевых тактик и ритуализированность, запрет на использование «нечестных» речевых приёмов, например, шантажа, инвективов), наличие у участников конфликта единой аргументативной базы, нивелирующей преимущество одной из сторон, единый объект воздействия, выступающий в качестве третьей стороны в ситуации конфликта.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Отдельный интерес представляет допрос подозреваемого, проводимый на стадии предварительного расследования – этапа, в рамках которого органы выясняют степень вины обвиняемого и обстоятельства совершённого преступления. Допрос – «следственное действие, заключающееся в непосредственном получении и фиксации уполномоченным на то лицом показаний участника уголовного судопроизводства об обстоятельствах, имеющих значение для дела» [2, с. 189]. Стоит отметить, что манипуляция, применяемая в рамках допроса подозреваемого на стадии предварительного расследования, находится в пограничном состоянии между обычной коммуникативной манипуляцией и суггестией. С одной стороны, допрос фиксируется на средства видеозаписи, в комнате помимо следователя присутствует адвокат подозреваемого, который контролирует процесс допроса, допустимость заданных вопросов, оказываемого на подсудимого давления, предоставляет подсудимому юридическую и языковую прагматическую

помощь. С другой стороны, институциональность судебного дискурса здесь достаточно расплывчата, следователи могут прибегать в процессе коммуникации к «негативным» тактикам воздействия, поскольку вынуждены за ограниченный промежуток времени получить от подозреваемого признание в совершении преступления. Допрос с точки зрения прагматического аспекта коммуникации представляет собой сложный феномен, поскольку содержит «взаимодействие сторон, при котором каждая из сторон имеет свой интерес, в том числе не совпадающий с интересом другой стороны» [6, с. 99]. При этом логично предположить, что обе стороны во время допроса пребывают в ситуации конфликта. Вслед за В. С. Третьяковой, речевой конфликт понимается как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [7, с. 127].

В ходе допроса на стадии предварительного расследования следователь может использовать манипулятивные тактики предсказуемости итогов допроса и сторителлинга.

В рамках тактики сторителлинга следователь рассказывает определённую «историю», прямо или косвенно связанную с делом или подозреваемым:

– Вы избили дочь до полусмерти прямо в номере отеля, когда она пригрозила, что расскажет о ваших сексуальных домогательствах, и вы решили, что лучший способ этого избежать – подставить единственного человека, который мог бы с ней спать. «Спать» в смысле насилловать. Так? / You beat your daughter to within an inch of her life in your hotel room, when she threatened to expose your sexual assault on her. Your best bet of getting away with it, you decided, was to frame the only other person who could conceivably have been sleeping with her. Isay: «sleeping», I mean raping. Yes?

– Без комментариев. / No comment.

– Гипс на руке послужил алиби, так? / Plastering her arm was the alibi, yes?

– Без комментариев. / No comment.

– Алиби, которое вы берегли на будущее, он подтверждал ссору. Заодно он объясняет кровь в комнате, разбитый столик, кровь на вас и вашей одежде. Вы донесли её на машине чуть живую, но всё же живую и положили в багажник, и пока вы ехали, на руке образовался синяк, а гипс стал твёрже. Вы свернули на пятнадцатой развилке, надели ей на голову хозяйственную сумку и довели дело до конца. Можете меня остановить, если я в чём-то не прав. Кстати, вы надели ей на голову сумку, чтобы на вас не попала кровь или чтобы не смотреть на лицо падчерицы, пока разбиваете его каблуком ботинка? / Analibiyouheldinreserve. It acknowledged the fight. And by extension, it explained the blood in the room, the damage to the table, the blood on you and on your clothes. You managed to get her to the car, barely breathing, but breathing nonetheless, and you put her in the boot. And as you drove south, her arm began to bruise, and the plaster began to set. You turned off Junction 15, put a bag-for-life over her head, and finished off the job. Please stop me if I'm getting any of this wrong, by the way. Incidentally, did you put the bag over her head to protect yourself from blood-splatter or so you didn't have to look in your stepdaughter's face as you were thumping it with your heel?

– (агрессивно) Что за мерзкая выдумка? / That's a disgusting story.

– (спокойно) Она мерзкая, я согласен. Но это вовсе не выдумка / Oh, it's disgusting, I agree, but it's not a story [8].

В данном примере следователь прибегает к тактике сторителлинга для того, чтобы собрать все имеющиеся, до этого разрозненно представленные доказательства по делу, воедино. Он медленно и скрупулезно восстанавливает события дня убийства с максимальной точностью, чтобы убийца понимал, что у него нет возможности для манипулятивного маневра. Если до этого приёма убийца реагировал на вопросы следователя, пытаясь ввести его в заблуждение и повести расследование по ложному следу, то теперь единственным ответом на вопросы следователя является фраза «Без комментариев». В конце

сторителлинга следователь задаёт провоцирующий дихотомичный и фактически риторический для оппонента вопрос, целью которого является выведение собеседника из эмоционального равновесия: «...вы надели ей на голову сумку, чтобы на вас не попала кровь или чтобы не смотреть на лицо падчерицы, пока разбиваете его каблуком ботинка?»).

Если тактика сторителлинга характеризуется заряженным эмоциональным фоном, то манипулятивная тактика предсказуемости итогов допроса, наоборот, отличается достаточной степенью рациональности коммуникации:

– То, что я скажу изменит положение дел. На мой взгляд, ты прекрасно понимаешь, что тебя в итоге обвинят в попытке убийства Родрика Сэмюэlsa, но ты даже не представляешь, как быстро у тебя закончатся отговорки, и как скоро обвинение вступит в силу, поэтому советую тебе слушать меня сейчас очень внимательно. Мы собрались здесь не для того, чтобы выяснять отравила ты Родрика или нет. Мы знаем, что отравила. Послушай, послушай. Откинься на спинку стула и дослушай до конца. Ты его отравила, и мы можем это доказать. / What I'm about to say to you now will change the course of this interview, and while I don't think you honestly believe you're going to leave without being charged for the attempted murder of Roderick Samuels, I do think you'll be surprised by how soon your arguments fall down, and how quickly that charge is brought about. So, I want you to listen very carefully to the next thing I say. We're not here today to work out if you poisoned Roderick Samuels or not. We know you did... Listen, listen. Just sit back in your chair and wait for me to finish speaking. We know you did. And we can prove you did [9].

Здесь следователь применяет тактику предсказуемости итогов допроса в самом начале допроса подозреваемого, чтобы показать оппоненту по коммуникации свою уверенность в предстоящей коммуникации. Посыл подобной тактики достаточно прост: что бы ни сказал подозреваемый, у стороны обвинения есть неопровержимые доказательства его вины, которую

они в итоге в конце допроса докажут, это лишь вопрос времени. При этом сами доказательства здесь не упоминаются, а придерживаются следователем для дальнейших фаз допроса. С одной стороны, это можно объяснить эффектом недосказанности, который производит более устрашающий эффект на партнера по коммуникации, чем перечисление перечня доказательств, поскольку жертва манипуляции находится в измененном психоэмоциональном состоянии стресса и может додумать несуществующие доказательства и, испугавшись, признаться в вине. С другой стороны, подобная тактика объясняется блефом. У следователей не всегда может быть чёткий перечень доказательств, безоговорочно уличающих подозреваемого во вменяемом ему преступном деянии, поэтому они вербально и невербально передают жертве свою уверенность, надеясь, что коммуникант признается в деянии под видео- и аудиозапись, что будет являться прямым доказательством его вины.

Заключение

В заключении стоит отметить, что коммуникация, протекающая в ситуациях допроса подозреваемого на стадии досудебного расследования, изобилует манипулятивными тактиками, при этом манипуляция в данном дискурсе приобретает черты коммуникативной манипуляции, характерной для межличностного общения, и суггестии, существующей в судебном дискурсе в рамках судебного заседания. Следователи могут применять различные пограничные манипулятивные тактики, среди которых можно отметить тактику сторителлинга и предсказуемости действий, основной целью которых является донесение подозреваемому идеи о том, что его преступление всем известно, исходя из имеющихся улик, а вина уже имплицитно доказана, осталось лишь дожидаться его собственного признания.

Список литературы:

1. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учебное пособие. Изд-е 5-е, стер. М.: Флинта, 2020. 353 с.
2. Волохова О. В. Еговор Н. Н. Жижина М. В. [и др.]. Криминалистика: учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. М.: «Проспект», 2011. 501 с.
3. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: 2003. 200 с.
4. Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 142–152.
5. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012. 171 с.
6. Сидоренко Е. В., Конин В. В. Допрос на досудебной стадии как подготовительный этап к допросу в судебном разбирательстве // Российское правосудие. 2019. № 6. С. 97–104.
7. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 127–140.

Источники примеров:

8. Criminal. Edgar. The UK, 2019.
9. Criminal. Stacey. The UK, 2019.

References:

1. Balaxonskaya L. V., Sergeeva E. V. Lingvistika rechevogo vozdejstviya i manipulirovaniya: uchebnoe posobie. Izd-e 5-e, ster. M.: Flinta, 2020. 353 s.
2. Voloxova O. V. Egovor N. N. Zhizhina M. V. [i dr.]. Kriminalistika: uchebnik / Pod red. E. P. Ishhenko. M.: «Prospekt», 2011. 501 s.

3. Denisyuk E. V. Manipulyativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmatischeskij aspekt: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: 2003. 200 s.

4. Katermina V. V., Safronova T. S. Mexanizmy` suggestivnogo vozdejstviya v yuridicheskom diskurse // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazy`koznanie. 2017. T. 16, № 3. S. 142–152.

5. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie. M.: Flinta, 2012. 171 s.

6. Sidorenko E. V., Konin V. V. Dopros na dosudebnoj stadii kak podgotovitel`ny`j e`tap k doprosu v sudebnom razbiratel`stve // Rossijskoe pravosudie. 2019. № 6. S. 97–104.

7. Tret`yakova B. C. Konflikt glazami lingvista // Yurislingvistika-2: russkij yazy`k v ego estestvennom i yuridicheskom by`tii. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000. S. 127–140.

Istochniki primerov:

8. Criminal. Edgar. The UK, 2019.

9. Criminal. Stacey. The UK, 2019.

Информация об авторе:

Н. И. Илюхин – кандидат филологических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

Information about the author:

N. I. Ilyukhin – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Saratov State Law Academy

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 08.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.